

Принимая социальное в социализме всерьез

На протяжении большей части XX века социализм служил основной идеологической матрицей для размышлений об альтернативах капитализму. Даже в условиях, когда социализм как таковой не был непосредственно достижимой политической целью, идея социализма помогала придать политическую направленность борьбе против капитализма.

Обстоятельства изменились. Теперь, в начале XXI века, социалистический проект утратил политическое доверие. Это произошло не потому, что люди во всем мире стали считать капитализм благоприятным социальным порядком, который способствует процветанию человечества. Скорее это связано с тем, что определенное институциональное устройство, которое стало ассоциироваться с социализмом, оказалось неспособным выполнить свои обещания. Капитализм торжественно заявляет: «Никакой альтернативы нет!» По мнению многих, осуждать капитализм — это все равно что жаловаться на погоду. Возможно, нам удастся починить крышу, чтобы уберечься от дождя, но бессмысленно ругать сам дождь. Вместо того чтобы представлять угрозу для капитализма, рассуждения о социализме кажутся теперь скорее архаичными утопическими мечтаниями или, возможно, даже хуже: отказом заниматься решаемыми проблемами в реальном мире.

Тем не менее, по иронии судьбы, мы живем во время, когда многие положения традиционной социалистической критики капитализма кажутся как никогда более уместными: неравенство, экономическая поляризация и отсутствие гарантий занятости в развитых обществах только усилились; капитал становится все более свободным, перемещаясь по планете и ограничивая деятельность государств и обществ; гигантские корпорации господствуют в средствах массовой информации и культурном производстве; рынок кажется неким неподвластным человеку законом природы; политика во многих капиталистических демократиях подчинена власти денег и безразлична к чаяниям и заботам простых людей. Потребность в живой альтернативе капитализму сильна как никогда.

I. Сохраняющаяся значимость социалистической критики капитализма

В основе традиционной социалистической критики капитализма лежат пять важных утверждений:

1. Капиталистические классовые отношения закрепляют устранимые формы человеческого страдания. Несмотря на то что капитализм служит движущей силой экономического роста, он неизбежно ведет к маргинализации, бедности и лишениям. В принципе, конечно, распределение плодов экономического роста может производиться таким образом, чтобы материальное положение каждого члена общества становилось все лучше и лучше. Именно об этом говорят сторонники капитализма, выдвигая лозунг: «прилив поднимет все суда». Однако капитализм не обладает *внутренним* механизмом перераспределения, необходимым для достижения этой цели. Кроме того, даже если не принимать во внимание унижительную бедность и материальные лишения, требования капиталистической конкуренции — особенно если речь идет о конкуренции, когда «победитель получает все», завершающейся огромным неравенством, которое не имеет отношения к приложенным усилиям и «заслугам», — ведут к все более широкой утрате возможностей развития (понимаемого как раскрытие человеческого потенциала) для большого числа людей.

2. Капитализм закрепляет устранимую нехватку свободы и автономии личности. Если говорить о ценности, на наиболее полное осуществление которой претендует капитализм, то ею является свобода и автономия личности. «Свобода выбора», связанная с правами на личную собственность, по утверждению Милтона Фридмана, представляет собой важнейшую моральную добродетель, отстаиваемую сторонниками капитализма. Однако капитализм не способен осуществить этот идеал по двум основным причинам. Во-первых, отношения господства на капиталистическом производстве накладывают серьезные ограничения на личную независимость и самостоятельность. Кажущаяся свобода личности оставить свою работу представляет собой всего лишь иллюзорное избавление от такого господства, поскольку, не имея в своей собственности средств производства, работники вынуждены искать работу на капиталистических предприятиях. Во-вторых, значительное неравенство в богатстве, порождаемое капитализмом, по утверждению Филиппа ван Парийса, влечет за собой серьезное неравенство в «реальной свободе», так как оно означает, что у одних людей намного больше возможностей для осуществления своих жизненных планов, чем у других. Конечно, в сравнении с предшествующими формами общественного устройства свобода и независимость личности при капитализме заметно выросла, но вместе с тем возникли новые препятствия на пути к полному осуществлению этой ценности.

3. Капитализм попирает либерально-эгалитарные принципы социальной справедливости. Частное накопление богатства наделяет одних людей особыми несправедливыми преимуществами перед другими. В частности, в том, что касается детей, оно попирает принцип равенства возможностей. Но даже если не рассуждать о проблемах передачи преимуществ от поколения к поколению, поскольку капиталистическая логика максимизации прибыли ведет к тому, что капиталистические фирмы перекладывают свои издержки на других, капитализм взваливает на многих людей бремя, которого они не выбрали, в виде негативных внешних обстоятельств. Негативные внешние обстоятельства связаны не только с неэффективностью (хотя и с ней тоже), но и с несправедливостью.

4. Капитализм не создает достаточного количества общественных благ.

По вполне понятным причинам, признаваемым как защитниками капитализма, так и его критиками, капитализм неизбежно создает существенную нехватку в производстве общественных благ, и в этом отношении он неэффективен (то есть отсутствие достаточного количества общественных благ означает снижение эффективности).

5. Капитализм ограничивает демократию. Здесь действуют два основных механизма. Во-первых, высокая концентрация богатства и экономической мощи, создаваемая капиталистическим развитием, подрывает основы демократического политического равенства. Богатые обладают несоразмерным влиянием на политические последствия посредством различных механизмов: возможности жертвовать на политические кампании, влияние на средства массовой информации, способность оказывать давление на чиновников и так далее. Во-вторых, неспособность демократических органов контролировать движение капитала ослабляет способность демократии устанавливать коллективные приоритеты.

Короче говоря, капитализм причиняет многим людям вред, которого можно избежать; он ограничивает независимость личности; он несправедлив; в важных отношениях он неэффективен; и он ограничивает демократию. Ни одно из этих направлений критики не означает, что единственным средством преодоления этих недостатков служат полное разрушение капитализма и его замена всеобъемлющей альтернативой. Возможно, в капиталистических обществах могут быть созданы институциональные механизмы для существенной нейтрализации этих проблем. В этом, конечно, традиционно убеждены социал-демократы. Но, независимо от решения (революционный или реформистский антикапитализм), цель институтов, нейтрализующих негативные последствия капитализма, заключается в запуске контркапиталистических механизмов в самих капиталистических обществах.

При всей обоснованности этой критики по-настоящему радикальное воздействие она может оказать только в сочетании с изложением вероятной альтернативы, способной сократить или устранить этот вред. Маркс прекрасно обошел эту проблему, предложив теорию капиталистической динамики, основная идея которой заключалась в том, что капитализм, в конечном итоге, разрушает условия своей собственной возможности и, следовательно, становится нежизнеспособной формой общества. Если бы можно было убедительно показать, что капитализм обречен, то было бы как минимум доказано, что, в конечном итоге, появится некая альтернатива капитализму. Если прибавить к этому тезис Маркса о том, что в ходе капиталистического развития появится влиятельная и сплоченная действующая сила (рабочий класс), представителям которой может быть выгодна альтернатива, когда они контролируют систему производства (если такая альтернатива осуществима), то вполне можно сослаться на теорию, согласно которой «из любого положения всегда найдется выход», и обосновать осуществимость этой альтернативы прагматической экспериментальной программой проб и ошибок. Если же основная идея марксовской теории относительно будущего капитализма оказывается несостоятельной, то есть если оказывается несостоятельным тезис о том, что капиталистические противоречия, в конечном итоге, устраняют самую возмож-

ность капитализма, то необходимо придти к более позитивному осмыслению социалистической альтернативы, которое пользовалось бы доверием в качестве нормативной идеи и цели политической борьбы.

II. Новое определение социализма

В большинстве рассуждений о социализме это понятие рассматривается с точки зрения бинарного противопоставления капитализму. Стандартная стратегия состоит в рассмотрении различных форм организации производства и — на этой основе — определении капитализма как особого «способа производства» или «экономической структуры»: экономической структуры, в рамках которой производство ориентировано на максимизацию прибыли посредством рыночного обмена, средства производства находятся в частной собственности, а рабочие не имеют своих средств производства и, следовательно, вынуждены продавать свою рабочую силу на рынке труда, чтобы получить средства к существованию. Социализм, в этом случае, определяется с точки зрения отрицания одного или нескольких из этих условий. Поскольку в основе понятия капитализма лежит частная собственность на средства производства, это означает, что социализм понимается в качестве той или иной разновидности общественной собственности, чаще всего в виде институционального механизма государственной собственности.

Здесь излагается альтернативный подход к определению понятия социализма, которое противопоставляется двум альтернативным формам социальной организации — капитализму и государственничеству. Капитализм, государственничество и социализм можно считать альтернативными формами объединения трех широких макрообластей социального взаимодействия — государства, экономики и гражданского общества.

Три области взаимодействия власти и общества: государство, экономика и гражданское общество

Попытка сформулировать строгие, основополагающие определения экономики, государства и гражданского общества сразу же вызывает различные вопросы. Должна ли, например, экономика включать всю деятельность, связанную с производством товаров и услуг, или только ту, что опосредована рынком? Следует ли считать приготовление еды в домашних условиях частью «экономики»? Следует ли уход за собственными детьми считать частью экономики или это относится только к услугам по уходу за ребенком, оказываемым вне дома? Должна ли экономика определяться функциями, которые она выполняет в рамках «социальной системы» (например, «адаптация», как в схеме Толкотта Парсонса), мотивами участников различных действий (например, максимизация полезности в стесненных условиях, как в неоклассической экономике), средствами, используемыми участниками для достижения своих целей (например, использование денег и других ресурсов для удовлетворения интересов) или чем-то еще? Может, нам следует проводить различие между «экономической деятельностью» и «экономикой» — первая может осуществляться во всех областях социальной жизни, а последняя относится к более специа-

лизированной области деятельности, в которой экономическая деятельность преобладает. Но что, в таком случае, означает «преобладание»?

Рассмотрение всех этих проблем представляет собой сложную задачу и, на мой взгляд, может отвлечь нас от нашей основной задачи. Поэтому нас устроит довольно традиционное определение этих трех областей социального взаимодействия, а проблемы, требующие более глубокого осмысления, можно на время оставить:

Государство представляет собой совокупность более или менее четко организованных институтов, которая устанавливает обязательные нормы и правила на определенной территории. Макс Вебер подчеркивал, что отличительной особенностью государства служит монополия на легитимное применение силы на определенной территории. Мне же кажется более предпочтительным определение государства, данное Майклом Манном, как организации, обладающей административной функцией установления обязательных норм и правил на определенной территории. Применение силы — это одна из его основ, хотя и не всегда самая важная. В этом случае власть государства определяется его способностью устанавливать правила и регулировать социальные отношения на определенной территории, способностью, которая зависит от таких вещей, как информация и коммуникационная инфраструктура, идеологическая готовность граждан подчиняться правилам и приказам, степень дисциплинированности правительственных чиновников, практическая способность правил решать проблемы, а также принуждение.

Экономика — это область социальной деятельности, в которой люди взаимодействуют с целью производства и распределения товаров и услуг. В капиталистических экономиках большая часть этой деятельности осуществляется частными предприятиями, а распределение в значительной степени опосредовано рыночным обменом. Экономическая власть основывается на экономически важных ресурсах, контролируемых и используемых различными категориями социальных участников в этих взаимодействиях производства и распределения.

Гражданское общество — это область социального взаимодействия, в которой люди создают разного рода добровольные объединения, преследующие различные цели. Одни из этих объединений принимают вид формальных организаций с четко определенным членством и целями. В качестве примера можно привести клубы, политические партии, профсоюзы, церкви, местные общины. Другие же представляют собой более свободные объединения — в предельном случае следует говорить скорее о социальных сетях, нежели о четко определенных организациях. Идею «сообщества», когда она означает нечто большее, нежели просто скопление индивидумов, проживающих вместе, также можно считать разновидностью неформального объединения в рамках гражданского общества. Власть в гражданском обществе зависит от способности к коллективному действию посредством такого добровольного объединения.

Государство, экономика и гражданское общество представляют собой области расширенного социального взаимодействия, сотрудничества и противоборства между людьми и связаны с особыми источниками *власти*. Власть, конечно, является еще одним понятием социальной науки, которое постоянно оспаривается. Здесь мне бы хотелось обратиться к идее власти как способно-

сти участников достигать своих целей. Это не обязательно означает «преобладание» в том смысле, что один участник способен командовать действиями других участников, несмотря на их возражения, но, принимая во внимание характер социальных отношений и конфликт интересов, действенная власть обычно связана с преобладанием. Экономические участники обладают властью благодаря своей собственности и контролю над экономически значимыми ресурсами. Государственные участники обладают властью благодаря своему контролю над административными функциями в пределах некой территории, включая функцию принуждения. Участники же гражданского общества обладают властью благодаря своей способности мобилизовать людей на различные добровольные коллективные действия. Конечно, власть, которую участники могут использовать в данной области социального взаимодействия, может использоваться также для оказания влияния на то, что происходит в других областях. Возможно, наиболее примечательная особенность современного капитализма заключается в том, что экономическая власть экономических участников может использоваться для оказания влияния на действия государства. Но нечто похожее происходит во всех отношениях в этих областях.

Это не исчерпывающий перечень областей социального взаимодействия. Семья и структуры родства, например, могут считаться особой областью социального взаимодействия, управляться процессами, совершенно отличными от гражданского общества, государства или экономики (хотя, конечно, и взаимодействуя со всеми ними). В некоторых случаях — особенно при анализе гендерных отношений и их условий воспроизводства и трансформации — семья как область взаимодействия может иметь решающее значение. Однако она не играет важной роли при четком определении понятия *социализма*. Следует отметить, что это не означает, что гендерные отношения не играют никакой роли в критике капитализма и анализе условий его преобразования. Речь идет о том, что такие гендерные и семейные отношения не выступают в *определении* социализма в качестве особой макроструктурной формы властных отношений.

Государственная власть, экономическая власть и общественная власть также не являются единственными формами власти, которую участники используют для достижения своих целей. В частности, как отмечает Майкл Манн, *идеологическая и военная власть* служат важными источниками власти во всех сложных обществах. Идеологическая власть — это способность оказывать влияние при помощи обращения к символам, убеждениям и взглядам. Военная власть — это способность оказывать влияние при помощи принуждения и угрозы принуждения. Обе они имеют большое значение и при определенных условиях могут стать основной формой организации власти в обществе. Полностью проработанная типология форм общества, основанная на характере властных отношений, должна включать также эти формы власти; и, конечно, эмпирическое изучение капиталистических обществ и возможностей социалистического преобразования должно включать, среди прочего, изучение идеологической и военной власти. Однако для нынешних задач — определения социализма — государственная власть, экономическая власть и общественная власть являются важными и необходимыми элементами.

Один из способов осмысления различий в типах общества, которые уже существуют в мире или могут появиться в будущем, состоит в осмыслении различий в отношениях между этими тремя областями.¹ Здесь я сосредоточу внимание на том, каким образом *власть, связанная с каждой из областей, обеспечивает общее распределение и применение людских и материальных ресурсов*. Можно выделить три идеально-типических формы относительного преобладания власти: экономизм, государственничество и ассоциационализм.²

Экономизм³ — это социальный порядок, при котором распределение и использование ресурсов для различных социальных целей наиболее сильно определяются осуществлением экономической власти (то есть экономика преобладает над государством и гражданским обществом).

Государственничество — это социальный порядок, при котором распределение и использование ресурсов для различных целей наиболее сильно определяются осуществлением государственной власти (то есть государство преобладает над экономикой и гражданским обществом).

Ассоциационализм — это социальный порядок, при котором распределение и использование ресурсов для различных целей наиболее сильно определяются осуществлением власти, связанной с гражданским обществом (то есть гражданское общество преобладает над экономикой и государством).

¹ Способ создания понятий, использованный здесь, можно назвать «комбинаторным структурализмом». В этой стратегии устанавливается определенное число фундаментальных элементов, а затем более сложные формы анализируются в качестве особых форм, сочетающих эти исходные элементы. Прообразом этой стратегии служит, конечно, химия, которая располагает периодической таблицей элементов, позволяющей проводить анализ сложных форм соединения этих элементов. Здесь предлагается куда более примитивная по сравнению с периодической таблицей элементов, возможно, более близкая к алхимии с ее четырьмя элементами — землей, воздухом, огнем и водой, — чем к научной химии. Я выделяю только три основных элемента — государство, экономику и гражданское общество — и ограниченное число форм, которые они могут принимать в сочетании друг с другом.

² Они не являются привычными терминами для выделения широких макроструктурных форм общества, и я использую их с некоторой неохотой, так как неологизмы кажутся чересчур надуманными и зачастую вносят больше путаницы, чем ясности, а также нередко оказываются простым применением новых слов к известным идеям. Но я думаю, что в нашем случае без новых терминов не обойтись. Поначалу в публичных выступлениях, в которых высказывались идеи, изложенные в данной статье, говоря об этих трех формах властных отношений, я использовал термин «капитализм» вместо экономизма и «социализм» вместо ассоциационализма. Почти всегда найдется кто-то, кто возразит против того или иного употребления, обвинив меня в неправильном использовании категорий. Поэтому введение специальных терминов для выделения общих форм властных отношений и рассмотрение капитализма как особой формы экономизма и социализма как особой формы ассоциационализма кажется более предпочтительным.

³ «Экономизм» — неуклюжее с языковой точки зрения выражение, но за «экономизмом» в социальной и политической теории уже закрепился определенный набор значений (стремление политических партий и профсоюзов преследовать исключительно узкие экономические интересы и попытка теоретиков объяснить все при помощи экономических переменных). Поэтому я подумал, что использование этого слова для текущих концептуальных целей может стать причиной недоразумений.

Властное преобладание в каждой из этих идеально-типических форм основывается на определенном сочетании прямого и косвенного преобладания.⁴ Эти три формы схематически изображены на Рис. 1.

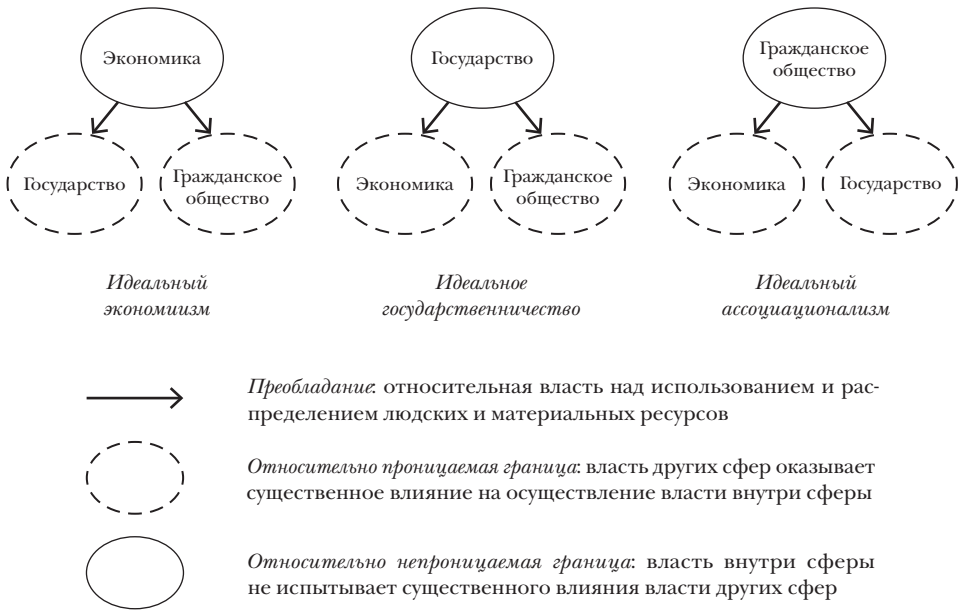

Рис. 1. Три макроформы властных отношений

Применительно к каждому из этих трех идеальных типов можно представить крайнюю форму, при которой преобладающая область не просто осуществляет преобладающую власть по отношению к двум другим сферам, но и полностью устраняет их автономию. С этой точки зрения, тоталитаризм можно считать разновидностью гипергосударственности, при которой государство не только преобладает над гражданским обществом и экономикой, но и полностью пронизывает и контролирует обе эти области. Добровольные объединения и автономные социальные сети фактически исчезают, и почти вся экономическая деятельность напрямую организуется государством. Чистый либертарианский капитализм — это разновидность экономизма, при которой государство сводится к простому «ночному сторожу», служащему исклю-

⁴ Различное значение прямого и косвенного преобладания формы власти — это один из важных источников многообразия в рамках особой макроконфигурации. Таким образом, одним из измерений «многообразия капитализма» является различие в относительной значимости прямой власти капитала при распределении ресурсов и его косвенной власти через его влияние на государственную власть. То, что иногда называют «организованным капитализмом», представляет собой форму капитализма, при которой такая косвенная власть имеет намного большее значение, чем в той форме капитализма, при которой государство играет восторженную роль.

чительно для осуществления прав собственности, а торговля проникает во все уголки гражданского общества, превращая в товар все, что встречается у нее на пути. Осуществление экономической власти почти полностью объясняет распределение и использование ресурсов. Граждане превращаются в потребителей, которые совершают индивидуальный выбор на рынке, но не осуществляют никакой коллективной власти над экономикой при помощи объединений гражданского общества. Коммунизм, в классическом марксистском понимании этого слова, представляет собой общество, в котором государство отмирает, а экономика входит в гражданское общество в виде свободной совместной деятельности индивидов.

Ни одна из этих крайних форм не способна служить стабильной и воспроизводимой формой социальной организации. Тоталитаризму никогда не удавалось устранить неформальные социальные сети, составляющие основу социального взаимодействия вне прямого контроля со стороны государства, а практическое функционирование экономических учреждений никогда не подчинялось централизованному планированию в полной мере. Капитализм, как разновидность экономизма, был бы невоспроизводимым и хаотическим социальным порядком, если бы государство играло минимальную роль, описанную в либертарианской фантазии, но также, по утверждению Поланьи, он функционировал бы куда более неравномерно, если бы гражданское общество было бы включено в экономику в виде полностью товаризованной и атомизированной социальной арены. Чистый коммунизм также представляет собой утопическую фантазию, поскольку трудно представить сложное общество, лишенное определенных средств создания и проведения в жизнь обязательных правил («государства»). Поэтому реальные и жизнеспособные формы крупномасштабной социальной организации всегда связаны с определенными взаимными отношениями между этими тремя областями социального взаимодействия, при которой одна из областей может быть в том или ином смысле «преобладающей», но при которой другие области в некоторой степени обладают действительной обособленностью и автономией.

С точки зрения этой понятийной типологии, капитализм представляет собой определенную разновидность экономизма; то, что ошибочно называют «коммунизмом» (то есть системы централизованного планирования государственно-бюрократической собственности, управляемые авторитарными коммунистическими партиями), является определенной разновидностью государственничества, а социализм — разновидностью ассоциационализма:

Капитализм — это форма экономизма, при которой средства производства находятся в частной собственности, рабочие получают средства к существованию благодаря продаже своей рабочей силы на рынках труда, а экономическая деятельность организуется посредством рынков. Возможны и другие виды экономистских обществ. Например, общество, при котором экономика организуется посредством крупных плантаций, обрабатываемых рабами, а экономическая власть связана с собственностью на землю и людей, можно считать экономистским обществом без трудовых рынков.

Коммунистические государства XX века — это определенная форма государственничества, при которой централизованное бюрократическое государство непосредственно планирует и организует общую экономическую деятельность и — при помощи аппара-

та политической партии — пронизывает объединения гражданского общества. Можно представить и другие формы государственничества, при которых государственная власть преобладает без централизованного планирования или однопартийного правления. Примером могут служить «даннические империи» досовременной Азии.

Социализм можно считать одной из форм ассоциационализма (то есть формой власти, при которой власть, связанная с гражданским обществом, преобладает), при которой экономическая власть распределяется эгалитарным образом, а ассоциационная власть организуется демократическим образом. Поэтому другим названием «социализма» может быть эгалитарный демократический ассоциационализм.⁵ Возможны и другие виды ассоциационализма. Общество, в котором закрытые ассоциации, основанные на различных формах статусных иерархий внутри гражданского общества, осуществляют преобладающую власть над государством и экономикой, будет разновидностью ассоциационализма, хотя и не социалистической.

Каким образом возможно преобладание гражданского общества?

Экономическая структура, основанная на частной собственности на средства производства, в сочетании с относительно широкими рынками наделяет капиталистов значительной властью и создает такое сочетание экономики/государства/гражданского общества, при котором экономика преобладает. Централизованное бюрократическое государство, которое напрямую планирует и организует крупномасштабную экономическую деятельность и которое при помощи аппарата политической партии пронизывает объединения гражданского общества, прекрасно подходит для государственничества. Но как насчет социализма? Какие институциональные средства позволили бы власти, связанной с добровольными объединениями внутри гражданского общества, установить преобладание над государством и экономикой?

Хотя обычно социалисты не рассуждали о социализме в таких терминах, некоторые идеи социалистической традиции можно считать первым приближением к ответу на этот вопрос. Согласно одной из точек зрения на социализм, важнейшим организационным средством социалистических преобразований была социалистическая партия. Политические партии представляют собой объединения, созданные в гражданском обществе с тем, чтобы оказывать влияние на государство. Люди вступают в них, преследуя определенные цели, а их сила в значительной степени зависит от их способности мобилизовать такое участие для разного рода коллективных действий. Так, если социалистическая партия тесно связана с рабочим классом благодаря своей укорененности в социальных сетях и объединениях рабочего класса и, следовательно, может представлять

⁵ Это сознательно ограниченное определение социализма. В частности, я не говорил о том, что объединения рабочего класса — профсоюзы или рабочие партии — служат основной формой объединения, которое осуществляет власть гражданского общества в социалистическом обществе. Так, я считаю, что для того, чтобы ассоциационная власть преобладала над государством и экономикой, а экономическая власть приемлемо распределялась эгалитарным образом, по-видимому, необходимо, чтобы объединения рабочего класса имели центральное значение при наделении гражданского общества властью. Речь, однако, идет о возможном институциональном устройстве, а не об определении социализма.

рабочий класс — или некую более широкую коалицию — политически и если социалистическая партия контролирует государство, а государство — экономику, то на основании переноса контроля можно утверждать, что гражданское общество преобладает над экономикой. Такое представление схематически отражено на Рис. 2 и может быть названо моделью государственнического социализма.

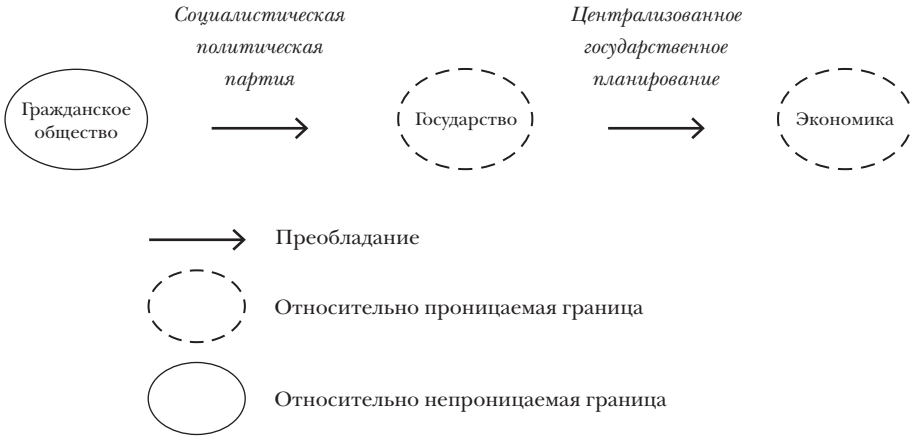

Рис. 2. Модель государственнического социализма

Отдельные элементы государственнического социализма можно встретить в истории социал-демократической политики в капиталистических демократиях. Социал-демократические партии были организациями, которые выступали в качестве добровольных объединений внутри гражданского общества. Они были тесно связаны с профсоюзами, что делало их позиции в гражданском обществе еще более сильными. Иногда они приходили к власти в государстве и могли проводить такую государственную политику, которая позволяла ослабить преобладание капиталистической экономики. Важные социальные службы выводились за пределы рынка, на рынках труда вводилось серьезное регулирование, а во многих других отношениях власти, связанной с капиталистической экономикой, противостояло защищающее государство. Это ни в коем случае не означает, что социал-демократическое государство было полностью свободно от ограничений капиталистической экономики, но эти ограничения ослабли и в этом смысле форма власти в странах наподобие Швеции во времена расцвета социал-демократии была менее капиталистической, чем где бы то ни было. И поскольку социал-демократическая партия оставалась связанной с гражданским обществом, можно было говорить о том, что гражданское общество оказывало определенное косвенное влияние на экономику посредством социал-демократического защищающего государства.⁶

⁶ Вслед за Джоэлом Роджерсом я отдаю предпочтение термину «защищающее государство» перед «государством всеобщего благосостояния» при описании этой совокупности государственных вмешательств, поскольку сюда входит больший спектр регулятивных и перераспреде-

Советский Союз представляет собой в этом отношении совершенно иной случай. Дореволюционное представление о связи революционной партии с гражданским обществом, государством и экономикой можно считать общим выражением определенной разновидности модели государственнического социализма. Оно — по крайней мере на бумаге — предполагало существование органической связи между партией и рабочим классом и, в конечном итоге, ее подотчетность объединениям рабочих. Поэтому контроль партии над государством служил механизмом контроля гражданского общества над государством. К тому же, идеология предусматривала такую радикальную реорганизацию институтов государства и экономики — при помощи общих собраний, которые стали называться «советами», — которая привела бы к прямому осуществлению власти объединений рабочих в государстве и на производстве. Эти советы, созданные демократическим путем и связанные с относительно автономным гражданским обществом, можно было бы считать механизмом институционализации формы преобладания. И вновь партия считается важнейшим инструментом в этом процессе, поскольку она играет ведущую роль («авангардная» роль партии) в ассоциациональном превращении гражданского общества в действительную власть.

Однако все повернулось иначе. То ли из-за свойственной революционным партийным организациям тенденции концентрировать власть наверху, то ли из-за суровых исторических условий революции в России и ее последствий, возможность подчинения коммунистической партии гражданскому обществу была упущена уже в первые годы революции. К тому времени, когда новое советское государство консолидировало власть и направило свои усилия на преобразование экономики, партия стала механизмом государственного преобладания, средством проникновения через гражданское общество и контроля над экономическими организациями. Поэтому Советский Союз стал образцовым воплощением государственничества с социалистической идеологией, а не образцовым воплощением самого социализма. Впоследствии другие добившиеся успеха революционные социалистические партии, несмотря на серьезные различия между ними, во многом следовали тем же путем, создавая различные формы государственничества, но никогда — социализма, наделявшего властью гражданское общество.

Поэтому остается открытым вопрос: какие социальные структурные и институциональные механизмы позволяют гражданскому обществу установить преобладание над государством и экономикой? Говорить о «преобладании» гражданского общества — значит говорить, что основное направление экономической деятельности и государственной политики определяется коллективными действиями, организованными такими объединениями в рамках гражданского общества. Также можно сказать, что социализм связан с радикальным расширением и углублением демократии. «Демократия» — это система правления, при которой государство отвечает перед «народом», то есть народ в определенном смысле контролирует государство. Это значит, что государство подчинено гражданскому обществу, поскольку прочные и действительные

лительных действий, выходящих за рамки политики, которую часто называют связанной с «благополучием».

ные механизмы подотчетности неизбежно связаны с формами коллективного объединения и коллективного действия. Когда государственная власть в значительной степени неподотчетна гражданскому обществу, такое государство считается менее демократичным. Социализм, в этом случае, означает распрощание демократии на экономическую деятельность и такое углубление демократии, при котором государство и экономика становятся подотчетными гражданам, объединенным в гражданское общество.

Следует отметить, что такая концепция социализма не подразумевает того, что гражданское общество просто заменяет собой государство как область, в которой осуществляется власть. Излагаемое здесь представление не является анархистским; государство сохраняет за собой важную роль. Даже при преобладании экономики в идеально-типическом капитализме государство по-прежнему устанавливает правила игры, защищающие права собственности и обеспечивающие многообразие регулирующих структур, где осуществляется капиталистическая власть. Точно так же всякий осуществимый социализм (предположим, что его можно осуществить) нуждался бы в правилах игры, устанавливаемых государством, и регулировании условий осуществления власти, связанной с гражданским обществом.

Почему социализм, понимаемый как наделение властью гражданского общества, должен быть желательным?

Основная причина пересмотра понятия социализма состоит в том, что, на мой взгляд, социализм обладает существенным потенциалом для исправления недостатков капитализма. Основное положение социалистической критики капитализма заключается в следующем: пять описанных ранее нормативных недостатков капитализма — капиталистические классовые отношения закрепляют устранимые человеческие страдания, капитализм закрепляет устранимую нехватку свободы и автономии личности, капитализм попирает либерально-эгалитарные принципы социальной справедливости, капитализм не создает достаточного количества общественных благ, капитализм ограничивает демократию — намного легче исправить при социализме, чем при капитализме. Или, иначе говоря, институциональные изменения, которые толкают капитализм в социалистическом направлении, позволяют социальной борьбе быстрее исправить указанные нормативные недостатки. Это не значит, что социализм автоматически ведет к улучшению положения. Речь идет о том, что властные отношения при социализме лучше подходят для исправления этих нормативных недостатков, чем властные отношения при капитализме.

Конечно, есть веские основания для того, чтобы сомневаться в этом, учитывая слабость определения социализма как демократического эгалитарного ассоциационализма и отсутствие сколько-нибудь систематического описания его институциональных механизмов. Две проблемы особенно важны: 1) опасение, что наделение гражданского общества властью может привести к возникновению новых форм угнетения, связанных с темной стороной гражданского общества; 2) возможность того, что падение производительности, связанное с наделением гражданского общества властью, будет настолько сильным, что сведет на нет все положительные последствия наделения его этой властью.

Проблема новых форм угнетения, связанных с гражданским обществом, безусловно, заслуживает рассмотрения. «Гражданское общество» состоит не только из дружественно настроенных объединений, укорененных в сплоченных общностях. Некоторые объединения могут быть репрессивными и закрытыми, а их коллективные действия — направленными на преобладание. Поэтому наделение властью гражданского общества может означать наделение властью Ку-клукс-клана или фундаменталистских религиозных объединений, а не только рабочего движения, объединений в защиту окружающей среды или иных относительно широких гражданских объединений. Например, можно считать, что исламская революция в Иране была связана с наделением религиозных объединений в гражданском обществе властью над государством и экономикой. Поэтому наделение гражданского общества властью над экономикой и государством может вести к весьма неблагоприятным последствиям.

Эта озабоченность по сути своей ничем не отличается от той, что всегда возникала у консерваторов в связи с угрозой свободе личности со стороны демократии. Они полагают, что радикальная демократия содержит в себе возможность установления «тирании большинства». Чтобы избежать этого, демократия должна быть серьезно урезана различными конституционными гарантиями прав личности, особенно, с точки зрения консерваторов, тех прав, которые защищают частную собственность от присвоения большинством, поскольку, с этой точки зрения, частная собственность лежит в основе всех остальных свобод личности.

На такие опасения можно ответить двояко. Во-первых, социализм, понимаемый как определенная разновидность ассоциационализма — демократический эгалитарный ассоциационализм — также управлялся бы правилами, защищающими права. Конечно, как и в условиях представительной демократии при капитализме, нет никаких гарантий того, что формальные права, способные не допустить установления тирании большинства, действительно будут выполняться, но нет никаких оснований полагать, что выполнение этой задачи осложнится в условиях, когда властью будут наделены добровольные объединения гражданского общества. Во-вторых, поскольку наделение властью гражданского общества приведет к намного более широкой вовлеченности граждан в политическую жизнь и публичное обсуждение вследствие участия в различных объединениях, процессы формирования согласия граждан, вероятно, будут более здоровыми, чем при капиталистической демократии, что также послужит препятствием для наделения властью более закрытых объединений.

Второй источник сомнений относительно социализма как формы наделения властью гражданского общества связан тем, что он приведет к резкому снижению производительности вследствие обреченного на провал вмешательства в функционирование рынка и процессы «рационального» вложения капитала. Рассуждения знакомы: независимо от того, что понимается под социализмом — бюрократическое государственное планирование экономики или демократическое наделение гражданского общества властью над экономикой и государством, — такой переход власти от участников, обладающих личными экономическими стимулами, к более широким общностям неизбежно приведет к различным неблагоприятным непредвиденным последствиям: погоне за рентой, утрате мотивации, неудачным технологическим решениям,

беспринципности, сокращению инноваций, информационным перегрузкам и тому подобным вещам. Поэтому в лучшем случае наступит застой и произойдет некоторое снижение экономических показателей, а в худшем — что более вероятно — серьезный экономический спад.

Хотя эмпирические данные, которыми подкрепляются эти предсказания, неоднозначны, эти опасения также заслуживают внимания. Помимо выражения «безвыходных ситуаций не бывает», есть еще поговорка, которая гласит, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».⁷ Разного рода радикальным критикам капитализма следует задуматься о том, что их институциональные предложения позволяют участникам осознать отрицательные непредвиденные последствия и подготовиться к их преодолению. И нельзя ограничиться замечанием о том, что и самому капитализму во многих отношениях не удастся соответствовать своим же критериям производительности (что достаточно легко сделать, приняв во внимание при расчете эффективности множество негативных внешних влияний на человеческую жизнь), поскольку каким бы плохим ни был капитализм, альтернатива всегда может оказаться еще хуже.

На этот скептицизм также можно ответить двояко. Во-первых, большая часть стандартной критики социализма касается централизованного бюрократического планирования и связана с убеждением, что социализм и рынки несовместимы. Ничто в предлагаемом здесь понятии социализма не предполагает исчезновения рынков. Основной проблемой является ослабление экономической власти и ее подчинение другим источникам социальной власти. Хотя это означает регулирование рынков посредством тех или иных коллективных органов, существует множество возможностей для использования рыночных механизмов при социализме, понимаемом как демократический эгалитарный ассоциациализм. Во-вторых, я считаю, что живое и демократическое гражданское общество может добиться больших успехов, чем капитализм, даже в тех отношениях, где капитализм кажется наиболее сильным (узко понимаемая экономическая эффективность), и убедиться в этом можно только на практике. Я не считаю, что существующие модели социальной науки способны оценить баланс между снижением эффективности вследствие ослабления капиталистической власти и новым возрастанием эффективности благодаря наделению гражданского общества властью.

III. Социализация капитализма

Итак, мое предложение заключается в следующем: социализм следует считать формой общества, при которой власть, связанная со способностью людей к ассоциациональному коллективному действию, становится преобладающей формой социальной власти. Это означает, что наделенное властью гражданское общество задает основное направление распределения и использования

⁷ Маркс, конечно, пытался упредить появление такого вопроса, утверждая, что в долгосрочной перспективе капитализм разрушает свои собственные условия возможности, и потому возникновение некой всеобъемлющей альтернативы неизбежно. Хотя это не обязательно означает осуществимость социализма (при этом определяемого), это, тем не менее, означает, что проблема непреднамеренных последствий не должна использоваться в качестве довода против модели предполагаемой капиталистической производительности.

людских и материальных ресурсов в обществе и в значительной степени пронизывает государство и экономику.

Существует два общих подхода к проблеме понимания того, каким образом возможно претворение в жизнь этого абстрактного идеала. Первый — и наиболее амбициозный — подход заключается в том, чтобы попытаться заранее определить наиболее важные институциональные особенности того, к чему мы стремимся придти, — по сути, речь идет о разработке всеобъемлющего институционального проекта социализма, — а затем построить план перехода от капитализма к этой цели. Второй подход заключается в определении принципов преобразования капиталистических механизмов, направленных на наделение гражданского общества властью, без установления заранее институционального устройства того, к чему мы стремимся (или даже знания того, возможно ли на самом деле полное преобладание гражданского общества). Этот подход похож на путешествие без карты или описания места назначения, когда есть только простое правило навигации, которое позволяет понять, в правильном направлении ли мы движемся и насколько далеко мы зашли. Очевидно, что в этом случае мы чувствуем себя не так уверенно, как при наличии подробнейшей карты, но это лучше карты, место назначения на которой представляет собой плод нашего воображения и которая дает нам ложное чувство уверенности насчет того, куда мы идем. Поэтому, в отсутствие такой всесторонней теории устройства социалистического общества, вторая стратегия, вероятно, оказывается лучшим из того, что мы можем сделать.

Если согласиться с этими доводами, то для перехода от капиталистического устройства к социалистическому необходимо произвести четыре вида изменений, изображенных на Рис. 3:

1. Увеличить автономию гражданского общества по отношению к экономике, то есть снизить степень проникновения капиталистических рынков и капиталистической власти в гражданское общество.
2. Увеличить автономию государства по отношению к экономике, то есть снизить степень влияния экономической власти на политическую власть.
3. Усилить власть гражданского общества над государством, то есть увеличить демократическую подотчетность государственной политики перед гражданскими объединениями.
4. Усилить власть гражданского общества над экономикой, то есть расширить пути, какими гражданское коллективное действие может устанавливать приоритеты экономической деятельности.

Реформаторские предложения в рамках капитализма могут считаться социалистическими в той степени, в какой они отражают одну или несколько этих логик преобразования. Я проиллюстрирую эту идею четырьмя предложениями радикальных институциональных перемен: безусловный базовый доход; модель рыночного социализма Джона Ромера; соучастующее управление; социалистические пенсионные фонды.

Безусловный базовый доход

Идея безусловного базового дохода проста: все граждане получают ежемесячное пособие, независимо от проделанной работы или иного социального

вклада, достаточное для того, чтобы их уровень жизни превышал определенную границу бедности. Пособие предоставляется всем, богатым и бедным; оно не ограничено никакими условиями (безусловно); и оно обеспечивает соответствующий скромный уровень жизни. Рассуждения о безусловном базовом доходе в большинстве своем касаются либо нормативных проблем, наподобие его способности приблизить нас к либеральным эгалитарным идеалам справедливости, либо практических вопросов наподобие его способности решить

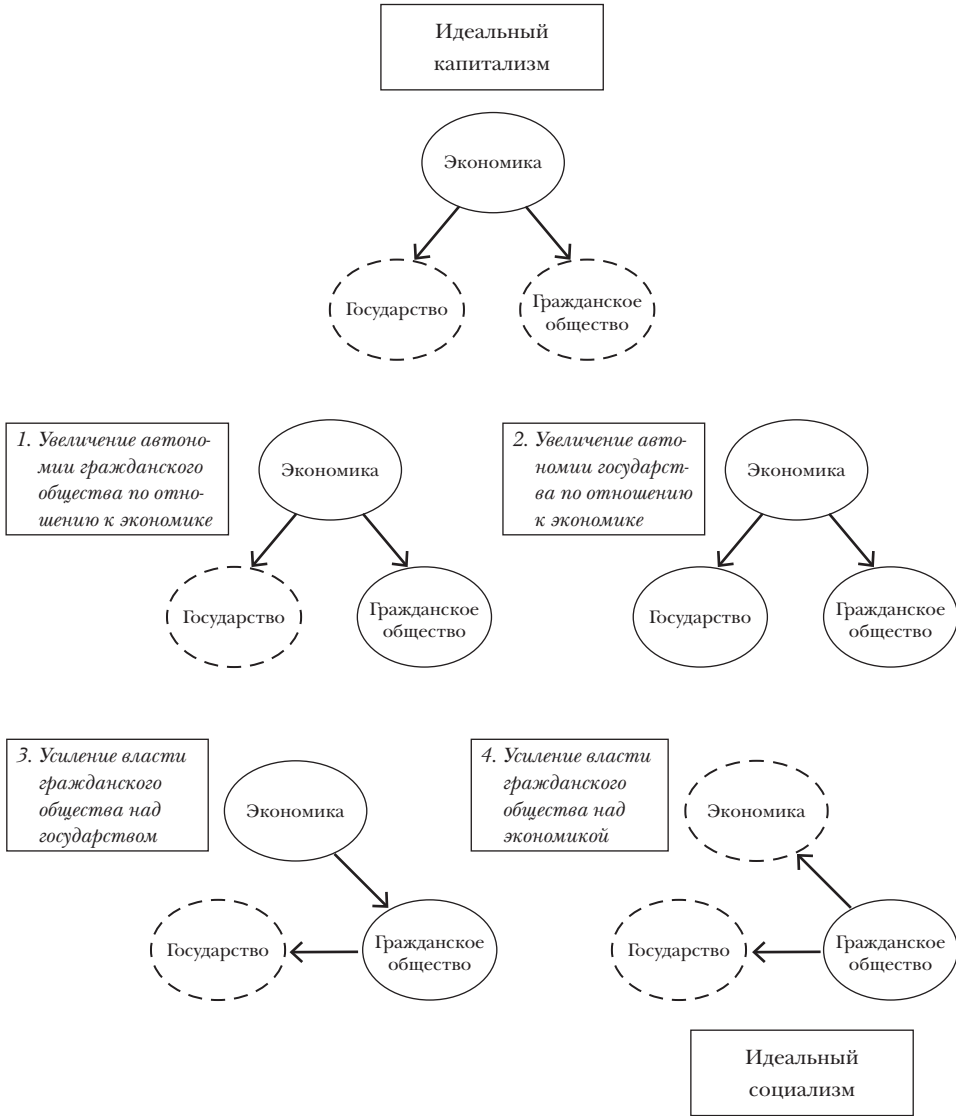

Рис. 3. Комплексные логики перехода к социальному капитализму

социальные проблемы, поразившие современные капиталистические общества, например, ловушки бедности. Куда реже обсуждалась возможность влияния безусловного базового дохода на властные отношения, которые характеризуют основное макроинституциональное устройство капитализма и которые могут лечь в основу преобразований в социалистическом направлении.

С точки зрения типологии социалистических преобразований, изображенной на Рис. 3, безусловный базовый доход может повлиять на первый и четвертый виды преобразований. Первое преобразование связано с изменениями, которые увеличивают автономию гражданского общества по отношению к экономике. Одна из основных проблем состоит здесь в степени проникновения рынка в гражданское общество и товаризации всех сторон жизни общества. Безусловный базовый доход можно считать механизмом передачи части социальных излишков от рыночного накопления капитала тому, что можно было бы назвать «социальным накоплением». Основная задача участников гражданского общества состоит в разтоваризации разного рода деятельности.⁸ Это особенно важно для социальной сферы, значительной части общественного производства в искусстве, а также политической и общественной деятельности. Безусловное гарантирование достаточного, хотя и минимального, уровня жизни посредством базового дохода освобождает от необходимости обмена рабочего времени на заработную плату на рынке труда. Таким образом, происходит частичная разтоваризация самой рабочей силы, что повышает автономию участников гражданского общества вследствие расширения возможностей гражданской деятельности.

Безусловный базовый доход также влияет на наделение гражданского общества властью над экономикой и, возможно, государством. Что касается экономики, то — вследствие частичной детоваризации рабочей силы — профсоюзы, вероятно, получают большую рыночную власть в отношениях с капиталистическими предприятиями. По сути, безусловный базовый доход служит неистощимым забастовочным фондом. Конечно, усиление влияния профсоюзов потенциально осложнит сохранение безусловного базового дохода, если профсоюзы станут использовать расширение рыночной власти для повышения заработной платы на рынке труда. Но если профсоюзы осознают, что сохранение безусловного базового дохода — и власти, которой он наделяет профсоюзы, — зависит от ограничения заработной платы, то, возможно, такая расширенная власть может использоваться для создания новых форм классового компромисса, когда профсоюзы соглашаются на более скромную заработную плату в обмен на более активное участие в накоплении капитала и управлении производством. Таким образом, безусловный базовый доход может способствовать четвертому типу социалистических преобразований, изображенному на Рис. 3. Безусловный базовый доход способен также повлиять на усиление влияния гражданского общества на государство, поскольку частичная разтоваризация рабочей силы делает возможным более высокий уровень гражданской политической активности во всех видах. Если основ-

⁸ Под «разтоваризованной деятельностью» понимается деятельность, которая не ориентирована на производство товаров или услуг для обмена на рынке и, таким образом, не подчинена требованиям извлечения прибыли.

ным источником власти в гражданском обществе служит власть, вытекающая из способности гражданских объединений к коллективному действию, и если эта способность частично зависит от способности людей уделять свое время и силы деятельности, необходимой для совершения таких коллективных действий, то безусловный базовый доход способен увеличить такую способность.

Рыночный социализм

Джон Ромер предложил институциональный проект того, что он называет «рыночным социализмом», который напрямую связан с преобразованием властных отношений, изображенными на Рис. 3. Основная идея состоит в следующем:

Представьте рыночную экономику, в которой существуют два вида денег — обычные деньги, используемые для покупки товаров, и специальные вторые деньги, используемые только для приобретения права собственности в корпорациях. Назовем первые долларами, а вторые — купонами. Обменивать купоны на доллары или использовать доллары напрямую для приобретения акций корпорации незаконно. Также незаконно дарить акции (в сущности, это подобно продаже их за нулевые доллары). Предприятия выходят со своими акциями на фондовую биржу купонов и получают купоны от инвесторов. Затем они могут придти с этими купонами в государственный банк и обменять их на доллары по установленному обменному курсу для приобретения средств производства.⁹ (Обмен купонов на доллары возможен только для предприятий). Поэтому предприятия заботятся о купонной стоимости своих акций, так как это влияет на их способность привлекать капитал для различных целей.

Стоимость экономики в купонном выражении изначально поровну разделена между всеми совершеннолетними — каждый получает свою долю¹⁰. Впоследствии по достижении совершеннолетия каждому члену общества предоставляется определенное количество купонов, равное душевой купонной стоимости всех долей в экономике. Люди используют эти купоны для покупки акций, и такая собственность позволяет им претендовать на часть прибыли предприятий (дивиденды), которыми они владеют и руководство которых они избирают. Большинство будет вкладывать свои купоны через взаимные фонды, но по желанию можно будет вкладывать их и в отдельные предприятия. С течением времени купонная стоимость будет накапливаться, поскольку одни корпорации добьются большего успеха, чем другие, но поскольку акции не могут быть переданы по наследству, подарены или проданы за доллары — и, следовательно, люди,

⁹ Установление обменного курса между купонами и долларами наделяет центральный банк определенными возможностями планирования, так как этот курс может быть различным для различных секторов, что позволит сосредоточить инвестиции на определенных направлениях.

¹⁰ Можно по-разному представлять себе переход от владения долларовыми акциями при капитализме к владению купонными акциями при рыночном социализме. Ромер впервые предложил свою модель в контексте перехода от государственной собственности в бывших коммунистических странах к рыночной экономике, когда, по сути, речь шла о создании рынка купонных акций. Очевидно, что в действующих капиталистических экономиках создать механизм плавного перехода намного сложнее, причем не только из-за способности владельцев капитала помешать такому переходу, но и из-за возможных патологий смешанной формы собственности в переходном процессе.

которые являются бедными с точки зрения прибыли на рынке труда, будут лишены возможности продавать свои акции за наличные, а люди, которые являются богатыми с точки зрения прибыли на рынке труда, будут лишены возможности приобретать акции за деньги, — неравенство в собственности будет не так заметно. Поэтому со временем в распределении капитала будет установлено радикальное равенство.

Конечно, такая модель рыночного социализма вызывает множество вопросов. Например, существует проблема «дойной коровы», когда отдельные корпорации специализируются на предложении невероятно высоких дивидендов, позволяющих людям эффективно конвертировать свои купоны в доллары. Тем самым бедные могли бы избавиться от своего [купонного] капитала, что лично для них было бы весьма желательным, но вело бы к нежелательным социальным последствиям с точки зрения роста неравенства в обществе. Кроме того, пожилые люди также могли бы отдать предпочтение наличным перед акциями, тем более что они не в праве передавать свои акции по наследству, и, следовательно, они могли бы предпочесть инвестиции в «дойных коров». Таким схемам необходимо противопоставить соответствующие правила. Существуют также сложные проблемы, связанные с функционированием новых предприятий и механизмами, посредством которых небольшие преуспевающие частные предприятия, переступив определенный порог, могут быть преобразованы в купонную общественную собственность.

Решение этих проблем позволило бы купонному рыночному социализму серьезно влиять на некоторые из преобразований, изображенных на Рис. 3. Два момента кажутся особенно важными. Прежде всего, эгалитарное распределение во владении акциями ослабит концентрацию экономической власти, которая лежит в основе косвенного преобладания экономики над государством. Этой проблеме в анализе Ромера уделяется особое внимание. При капитализме, утверждает он, обладатели больших богатств заинтересованы во многих неблагоприятных для общества вещах, например в загрязнении окружающей среды, то есть они напрямую извлекают существенную выгоду из его негативных последствий, — и, в сущности, они обладают властью потому, что их богатство позволяет оказывать существенное влияние на государственную политику в отношении этих неблагоприятных для общества вещей. Равное распределение капитала при рыночном социализме приведет к сокращению числа этих неблагоприятных для общества вещей, поскольку концентрация богатства, способного противостоять эффективному регулированию, будет невозможна. Государство станет более автономным по отношению к экономической власти.

Кроме того, равенство во владении акциями позволяет гражданскому обществу осуществлять власть над экономикой. Ромер не рассматривает эту проблему, но при купонном социализме добровольные объединения внутри гражданского общества могут играть активную роль в создании взаимных фондов, осуществляющих посредничество при инвестировании в предприятия купонов индивидуальных держателей. Ассоциациональной основой для таких фондов могли бы стать, например, профсоюзы. И в результате такие фонды служили бы не только для обеспечения притока дивидендов к индивидам, но и для усиления ассоциациональной власти над экономикой.

Абстрактное определение демократии как «правления народа» включает очень широкую область институциональных возможностей. Три из них особенно важны: представительная демократия, ассоциациональная демократия и прямая демократия.

Представительная демократия. О первой из них известно лучше всего. В представительной демократии народ правит посредством избранных представителей, как правило, избираемых в территориальных областях. В большинстве демократических стран это основной способ участия простых людей в осуществлении политической власти.

Ассоциациональная демократия. О второй общей форме демократического правления, ассоциациональной демократии, известно меньшему числу людей, хотя она очень важна. В ассоциациональной демократии различные коллективные организации, наподобие профсоюзов или торгово-промышленных объединений, занимаются различными аспектами принятия политических решений. Это может осуществляться по-разному — посредством участия в правительственных комиссиях, посредством того, что иногда называют «корпоратизмом», посредством организационного представительства в различных регулирующих органах.

Прямая демократия. При прямой демократии простые граждане напрямую участвуют в политическом управлении. Одной из ее форм является то, что иногда называют «плебисцитарной демократией», при которой граждане напрямую отдают свои голоса в пользу различных законов и политических курсов. Еще одной формой может служить участие граждан в слушаниях на открытых заседаниях и слушаниях законопроектов в городах или — реже — непосредственное принятие решений на городских собраниях. Крайне интересным примером прямой демократии служит процесс изменения избирательной системы в канадской провинции Британская Колумбия. Около 200 граждан случайно выбираются для участия в Гражданской ассамблее для обсуждения этой проблемы и выработки определенного предложения относительно нового закона о выборах, а затем предложение выносится на голосование, в котором участвуют все граждане провинции.

Каждая из этих форм демократического правления может использоваться как для увеличения власти народа, так и для сокращения «народного правления». Например, когда выборная демократия основывается главным образом на частном финансировании избирательных кампаний, особенно при наличии двухпартийной системы, происходит наделение огромным влиянием богатых и сильных участников, которые способны оказывать серьезное влияние на избрание жизнеспособных кандидатов. С другой стороны, некоторые виды государственного финансирования выборов в сочетании с системами пропорционального представительства делают возможным избирательное соперничество большего числа инициатив. С точки зрения ассоциациональной демократии, когда организации, участвующие в демократическом правлении, сами оказываются внутренне иерархическими и бюрократическими и так или иначе подчиняются интересам элиты, централизованный корпоратизм может принимать весьма недемократические формы. С другой стороны, когда

объединения вполне демократичны, а их участие в управлении связано с определенным переговорным процессом, ассоциациональная демократия может повысить демократическую ответственность процесса управления. Наконец, прямая демократия может быть очень слабой, если гражданам просто предоставляется возможность ответить «да» или «нет» на референдуме относительно навязываемой элитами политики, или она может привести к наделению народа серьезной властью, когда она связана с передачей реальных полномочий при принятии решений и ресурсов различным народным советам.

Третье социалистическое преобразование, изображенное на Рис. 3, — наделение гражданского общества властью над государством — предполагает углубление всех трех форм демократии, так как чем глубже демократия, тем больше государство подчинено гражданскому обществу. Следовательно, определенном смысле живая и действенная демократия способствует установлению социализма, поскольку демократия, в сущности, предполагает осуществление власти, связанной с коллективными действиями внутри гражданского общества¹¹.

Особый интерес для проблемы углубления демократии представляют примеры того, что Аркон Фунг и я назвали «соучаствующим управлением»¹². Особенностью такого управления служит институциональное устройство, при котором простые граждане напрямую участвуют в деятельности, связанной с принятием политических решений, а не просто дают наказы или выбирают представителей. Наибольший интерес в этом отношении представляет подготовка бюджета в Порту-Алегри, Бразилия. Упрощая довольно сложную систему, институциональное устройство выглядит так: бразильский город Порту-Алегри (население — около полутора миллионов человек) разделен на 17 районов, в каждом из которых имеется собрание граждан, занятое разработкой бюджетных законопроектов для этого района. Любой житель области может прийти на районное собрание и принять участие в голосовании по законопроекту. Эти собрания избирают постоянные бюджетные комитеты, которые на протяжении трех месяцев работают над этим законопроектом во всех районах города. На заключительном этапе этого процесса районные народные собрания проводят голосование по законопроекту и избирают делегатов для участия в общегородском бюджетном совете, который занимается согла-

¹¹ Альтернативная идея демократии заключается в том, что она предполагает наличие механизма агрегирования предпочтений отдельных атомизированных индивидов. В этом смысле демократия не образует реальной формы коллективного действия и, конечно, не зависит от коллективных способностей гражданского общества. Она представляет собой просто способ агрегирования индивидуальных предпочтений, которые связаны с обязательными для всех решениями. Именно поэтому некоторые комментаторы считают «свободный рынок», которым правит «суверенность потребителя», разновидностью «экономической демократии», так как в результате на таком рынке происходит агрегирование индивидуальных предпочтений. Согласно предложенному мной определению демократии, она представляет собой коллективную деятельность, связанную с участием людей в объединениях для обсуждения общезначимых вопросов. Политические партии являются важным инструментом такой коллективной деятельности, но в демократическом гражданском обществе имеется также множество других гражданских объединений.

¹² Archon Fung and Erik Olin Wright, *Deepening Democracy: Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance* (Verso: 2003).

сованием предложений из различных районов. Затем итоговый объединенный бюджет передается на рассмотрение городского муниципального совета — обычного представительного учреждения, — которое и проводит голосование по бюджету.

Такая система подготовки бюджета действует и постоянно совершенствуется с 1989 года. Она привела к поразительным результатам: городские расходы перенаправлялись от богатых районов города к беднейшим областям; участие граждан оказалось весьма высоким (примерно 50.000 человек в год); от коррупции, связанной с расходованием городских средств, не осталось и следа; заметно выросла готовность платить налоги на местном уровне. Здесь важно отметить, что участие в составлении бюджета привело к значительному росту различных гражданских объединений и их вовлеченности в жизнь города. По выражению Джанпаоло Байоки, это привело к «повышению плотности гражданского общества». Эти объединения стали активно участвовать в обсуждении и подготовке бюджета, но у них также появилось больше возможностей для коллективного действия по множеству социальных и политических проблем. Институциональный механизм соучаствующего управления способствует наделению гражданского общества властью над государством.

Социалистический пенсионный фонд

Наиболее проблематичным из преобразований, изображенных на Рис. 3, является четвертое, наделяющее гражданское общество властью над экономикой. Этот аспект институционального устройства всегда представлял наибольшую сложность для социалистов.

Традиционно социалисты искали решение проблемы социального контроля над экономикой посредством прямого осуществления государственной власти в виде государственной собственности на основные средства производства или в виде государственно-бюрократического регулирования экономической деятельности. Если бы эти формы государственного контроля были подчинены наделенному властью гражданскому обществу и если бы они действительно контролировали широкое использование и распределение экономических ресурсов, то в этом случае можно было бы вести речь о существовании государственно-социалистического или социалистического государственничества¹³. В случае авторитарных коммунистических режимах XX столетия ситуация была совершенно иной. В них государство преобладало над гражданским обществом, а общая форма властных отношений на макроуровне была намного ближе к идеальному типу государственничества, изображенному на Рис. 1. В случае социал-демократических режимов проблема заключалась не в преобладании государства над гражданским обществом; в этих обществах имелось сильное гражданское общество с действующей демократией, а огром-

¹³ Государственно-социалистический социализм был бы обществом, в котором власть, связанная с гражданским обществом, играла бы наиболее важную роль при распределении и использовании людских и материальных ресурсов, но само наделение властью осуществлялось бы посредством государства. Социалистическое государственничество было бы обществом, в котором государственная власть была бы преобладающей, но ограничивалась бы эффективными формами коллективного действия внутри гражданского общества.

ные профсоюзы осуществляли серьезную коллективную власть. Проблема была в том, что способность социал-демократических государств противостоять наиболее значительным формам капиталистической власти была весьма ограничена. В частности, возможности государственного контроля за схемами инвестиций и накопления были существенно ограничены. Таким образом, несмотря на наличие в социал-демократических государствах некоторых элементов социализма, особенно связанных с ролью профсоюзов в экономическом регулировании, этим системам так и не удалось придти к государственническому социализму (не говоря уже о социализме в собственном смысле слова), поскольку власть, сосредоточенная в экономике (власть, связанная с собственностью на капитал), сохранила свое превосходство.

Модель рыночного социализма Джона Ромера представляет собой один из вариантов преодоления экономической власти, связанной с концентрированной собственностью на капитал, но в ней отсутствует четкое представление о процессе перехода от капиталистической собственности к купонной собственности на корпорации. Альтернативная идея заключается в возможности использования и преобразования некоторых институциональных механизмов уже при капитализме с целью расширения общественной собственности на капитал.

И в этом контексте идея использования пенсий в качестве средства повышения способности гражданского общества контролировать капитал кажется весьма привлекательной. Пенсионные фонды — наиболее показательный пример института, располагающего огромными средствами: большие объемы капитала также находятся в руках многих других государственных, полугосударственных и гражданских объединений. Поэтому вопрос состоит в следующем: могут ли пенсии и другой капитал сыграть важную роль в четвертом типе преобразований, направленных на социализацию капитализма, — наделении гражданского общества властью над экономикой?

Пенсионные фонды способны накладывать различные социальные ограничения на инвестиции. Во-первых, в соответствии с введенным Альбертом Хиршманом различием между выходом и голосом, существует стратегия «выхода» «социально ответственного инвестирования». В соответствии с этой стратегией, пенсионные фонды используют власть рыночного выхода для того, чтобы влиять на поведение корпораций при помощи инвестиционного выбора. Используемые в этом случае фильтры могут быть относительно слабыми, например, простой бойкот «плохих» предприятий, когда фонд решает отказаться от инвестиции в корпорации, занимающиеся производством оружия или табачных изделий. В качестве примера можно привести изъятие средств университетских фондов в 1980-х годах из предприятий, осуществлявших инвестиции в ЮАР. Или социально ответственные фонды могут использовать довольно сильные фильтры, когда инвестиции предоставляются предприятию, если оно соответствует ряду установленных критериев. Так поступают некоторые «зеленые» инвестиционные фонды, вкладывающие средства только в те предприятия, которые проявляют заботу об окружающей среде. Но и в том, и в другом случае власть осуществляется только благодаря возможности входить в инвестиционные отношения и выходить из них.

Поэтому, скорее всего, в большинстве случаев предприятия, не отвечающие установленным критериям, сильно не пострадают¹⁴.

Стратегия «голоса» позволяет предъявлять значительно более серьезные требования. Идея состоит в том, чтобы осуществлять такие инвестиции в отдельные корпорации, которые сделали бы возможным для пенсионного фонда оказание активного влияния на корпоративную политику. Например, профсоюзные пенсионные фонды могут вкладывать свои средства в предприятия, враждебно настроенные по отношению к профсоюзам, с тем, чтобы получить возможность влиять на их политику. Пенсионные фонды, заботящиеся об окружающей среде, могут вкладывать капитал в корпорации, которые не проявляют заботы об окружающей среде. Такая упреждающая инвестиционная политика позволяет требовать предоставления куда большей информации и куда более активного участия в действительных практиках управления, чем в случае с простыми формами фильтрации социально ответственных инвестиций. Осуществление такой упреждающей стратегии сделало бы экономическую власть намного более социально ответственной, чем при применении стратегии выхода.

Робин Блэкберн предложил особенно сильный инструмент для финансирования таких упреждающих пенсионных схем: передача акций. Эта идея восходит к амбициозному предложению Рудольфа Мейднера относительно частичной социализации капитала в Швеции в 1970-х годах, получившему название «Фонд наемных работников». Основная идея заключается в том, чтобы потребовать от всех корпораций, превышающих определенный размер, каждый год производить дополнительную эмиссию акций для последующей передачи их этому фонду. Такая передача акций служила бы своеобразным налогом на богатство корпорации. Эти акции принадлежали бы фонду, но не могли бы быть проданы в течение продолжительного периода времени. Они наделили бы фонд правом голоса акционера и, подобно любым другим акциям, обеспечили бы приток дивидендов. К тому же, передача акций постепенно привела бы к ослаблению частных акционеров и смещению власти в сторону объединений гражданского общества (например, профсоюзов), контролирующих такие фонды.

Третья стратегия использования пенсионных фондов для социального контроля над капиталом состоит в том, что Рэнди Барбер назвал «инициативной стратегией». Вместо использования профсоюзных пенсионных фондов для инвестирования капитала в сложившиеся корпорации — в форме «выхода» или «голоса» — такие средства могли бы использоваться в качестве венчурного капитала и частных инвестиций в предприятия, которые не выставляют свои акции на торги на фондовой бирже.¹⁵ Такие инвестиции могут использоваться по-разному. Они могут использоваться для превращения небольших и средних предприятий в предприятия, находящиеся в собственности работ-

¹⁴ Когда стратегия выхода связана с мобилизацией масс и оглаской, способной повредить репутации предприятий, особенно с сильными брэндами, стратегия выхода может иметь большой потенциал.

¹⁵ Венчурный капитал предполагает инвестиции главным образом в новые компании. Частные инвестиции означают инвестиции в существующие компании, которые не выставляют свои акции на торги. Как правило, это небольшие или средние предприятия.

ников, или самоуправляемые предприятия. Они могут обеспечить инвестиции в новые предприятия, которые согласны с профсоюзной политикой или готовы поделить управление. Они могут использоваться для превращения самого профсоюза в часть управленческой структуры данного предприятия. Благодаря этим инвестициям профсоюзы смогут оказывать более серьезное влияние на экономику в целом.

Заключение

Представление о социализме как о макроформе властных отношений между государством, экономикой и гражданским обществом, а не как об определенном типе экономической структуры, помогает представить «нереформистские реформы», приближающие нас к социализму, хотя мы и не знаем, как далеко нам удастся зайти.¹⁶ Конечно, одно дело — описывать институциональные изменения, которые одновременно воплощают освободительные идеалы и способствуют сдвигу во властных отношениях, а другое — просчитывать коалиции сил, необходимые для проведения таких перемен в жизнь. Классический марксизм полагает, что в целом история способна разрешить такую проблему: если траектория развития капитализма, который становится все более подверженным кризисам и сталкивается с все более серьезными трудностями при своем воспроизводстве, и если основная классовая структура становится все более поляризованной, то через какое-то время мобилизовать коллективные силы для того, чтобы бросить вызов капитализму, станет намного проще. В случае несостоятельности таких предположений возможность формирования устойчивой антикапиталистической коалиции, действительно способной придти к власти, становится куда менее очевидной.

Однако можно создать коалиции для наделения гражданского общества властью, не предусматривая масштабного преобразования капитализма. В ослаблении власти экономики, пронизывающей гражданское общество и государство, и усилении власти гражданского общества над экономикой и государством в обществе могут быть заинтересованы многие. И вероятность создания таких коалиций возрастает при наличии убедительных примеров нереформистских реформ, которые изменяют властные отношения и одновременно решают практические проблемы.

Перевод с английского Артема Смирнова

¹⁶ Выражение «нереформистские» реформы было введено в 1970-х годах для описания институциональных перемен, которые могут быть проведены в существующих условиях и которые способны создать пространство для дальнейших реформ в будущем. Обычные социальные реформы оказывают стабилизирующее влияние на социальную систему, сокращая пространство для будущих перемен; нереформистские реформы также способны сделать социальные системы более устойчивыми, решая определенные проблемы, но они расширяют возможности для будущих перемен.